

- ред. В.Н. Иванов. — Дьокуускай : Сахаполиграфиздат, 2003. — 544 с.
10. Пропп, В.Я. Русский героический эпос. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. — 603 с.
  11. Сатанар, М.Т., Илларионов, В.В. Модель мира саха: семантика в ракурсе геометрии форм (на материале олонхо) // Российский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. — №6. — С. 471—481.
  12. Хюбнер, К. Истина мифа / пер. с нем. И. Касавина; пер. справочного аппарата выполнен И. Шишковым. — М.: Республика, 1996. — 448 с.
  13. Эргис, Г.У. Очерки по якутскому фольклору. — Якутск : Бичик, 2008. — 400 с.
  14. Ядрихинский, П.П. Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта. Олонхо / запись со слов олонхосута П.Н. Дмитриева-Туутук. — Якутск : Сайдам, 2011. — 448 с.

ЖИРКОВА Евгения Егоровна,

н.с. сектора «Лингвофольклористика»

НИИ Олонхо СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск РС(Я)

ОБРАЗОПОДРАЖАТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В АЛТАЙСКОМ ЭПОСЕ «МААДАЙ-КАРА»

Анализ перевода на якутский язык

Подражательные слова — особый пласт языка, передающий своим звуковым составом различные звуки живой и неживой природы, а также представления о движении, о признаках предмета и о внутреннем состоянии организма. Эта группа слов может нести в себе уникальную информацию о национальном своеобразии, о языковой картине мира народа. В мировом языкознании существует множество терминов, обозначающих данную лексику: звуко-символизмы, онматопоэтики, идиомемы и т.д. В алтайском языке применяется термин «мимемы» [5, с. 460—465], предложенный А.М. Ашмариним. В якутском языке — «образные слова» [5, с. 375—384], и отдельной группой рассматриваются «звукоподражательные слова» [5, с. 366—375].

В якутском языкознании специальным изучением данной лексики занимался Л.Н. Харитонов, который дал наиболее полную структурную и семантическую характеристику данных слов.

В алтайском языке изучение мимем долгое время было сопряжено с проблемой разделения как самостоятельных частей речи мимем и междометий, так как и междометия, и мимемы являются звуковым воспроизведением окружающего мира. Однако, междометия выражают различные эмоции непосредственно в момент речи и проявляют отношение говорящего к высказанному, а мимемы воспроизводят не только звуки, но и создают в экспрессивно-изобразительной форме сложную картину, образ. В современном алтайском языке мимемы выделены в качестве самостоятельной части речи [4, с. 460—465]. Однако в отличие от якутского языка в алтайском под мимемами понимаются «особая группа слов, передающих своим звуковым составом различные звуки живой и неживой природы» [4, с. 460], т.е. только звукоподражания, исключая образоподражательные слова типа *тозыр* «выпученный (о глазах)» [2, с. 256]. Такие слова отнесены по своим морфологическим признакам к различным частям речи: глаголам, наречиям и прилагательным.

Образоподражательные слова алтайском языке хоть и отдельно не выделяются в самостоятельную группу, некоторые слова присутствуют в «Грамматике современного алтайского языка» в классификации мимем по семантике, но из-за своей сильной звуковой природы отнесены к словам, передающим те или иные звуки. К примеру, *тыйтылдар* «хихикать», *мыжылда* «всхлипывать». Такие слова имеют более сложную семантику, воспроизводят целую картину, чем простая имитация звуков, поэтому в рамках данного исследования их целесообразнее рассматривать отдельно. Помимо этого, в словаре алтайского языка [1] нами обнаружен ряд слов, которые по фонетическому составу и семантическому значению вполне могут быть отнесены к образоподражательным словам: *балбай* «1) становиться большим, грузным, полнеть, расплываться; 2) разваливаться (сесть или лечь грузно на всю тяжесть, раскинув руки и ноги); 3) растаптываться» [1, с. 101]; *кедей* «1) сидеть, стоять, ходить прямо, с горделиво поднятой головой; 2) откидываться назад» [1, с. 302] и др. Немаловажную роль в поиске таких слов сыграла аналогия с образными словами якутского языка. К примеру, алт. *сарбай* «1) разветвляться; 2) торчать, топорщиться, растопыриваться; ср. тарбай» [1, с. 572] — як. *сарбай* «быть раскидыстым, разлапистым, широким (напр., о

ветвях, листьях)» [3, Т. 8, с. 271]; алт. *сертей* «наострить уши» [1, с. 585] — як. *сэртэй* «оттопыриться, расширяться, выпирать (о губах, ушах и пр.)» [9, с. 298].

В настоящем исследовании будет проведен анализ перевода алтайского эпоса «Маадай-Кара» на якутский с целью выявления особенностей использования образоподражательных слов в алтайском и якутском языках. Перевод эпоса «Маадай-Кара» [7] на якутский язык был произведен в 2017 г. группой переводчиков кафедры русско-якутского перевода и стилистики Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Книга была издана в том же году на двух языках: на русском и якутском, как одно из первых изданий серии «Эпические произведения народов мира». Русский перевод эпоса был взят с академического издания 1973 г. из серии «Эпосы народов СССР» [6].

В тексте алтайского эпоса «Маадай-Кара» нами обнаружен ряд образоподражательных слов, часть которых в алтайском языке принято относить к звукоподражательным словам (мимемам), часть в лексикографических источниках причисляется к обычным глаголам с нейтральным значением. Их условно можно разбить на четыре подгруппы: 1) слова, выражающие представления о движения в широком смысле; 2) слова, выражающие различные движения, совершаемые человеком или животным; 3) слова, характеризующие внешний вид, форму; и 4) слова, характеризующие цвето-световые представления.

Слова, выражающие движения в широком смысле, многочисленны в алтайском языке в целом. В рамках эпического текста такие слова изображают различные движения земли, предметов (одежда). Рассмотрим пример, который повторяется в тексте алтайского эпоса многократно:

Алтаай сирэ **дьигис**
гынна [6, с. 185]

Алтай үсти
селес этти [7, с. 86]

Поверхность Алтая
задрожала [7, с. 270]

В данном примере глагол *селес эт* имеет значение «мелькнуть» [8, с. 127], но на русский и якутский переведено как «задрожать» и «дьигис гын», что не соответствует значению алтайского слова. По контексту данное выражение используется, когда издается громкий звук (выстрел, крик). Поэтому предполагаем, что здесь

имелся в виду другой глагол — *селбес эт*, который означает «покачиваться, колебаться, трястись» [1, с. 579]. В якутском переводе глагол моментально-однократного формы *дьигис гын* «внезапно вздрогнуть (от неожиданности, боязни, от воздействия какой-л. силы); резко двинуться вперед или назад, дернуться» [3, Т. 3, с. 331—332] по грамматической форме и семантическому значению (если здесь имеется в виду *селбес эт*) полностью совпадает.

К словам, передающим своим звуковым составом образ, представление о движении человека или животного, на наш взгляд, можно отнести глагол *тыркыраш* — взаимно-совместный залог от *тыркыра* «дрожать» [1, с. 730]. В словаре Н.А. Баскакова дается следующий перевод данного слова: «1. дрожать, трепетать; трепыхаться; 2. дребезжать» [8, с. 164], по которому второе значение имеет звукоподражательный характер. Это дает нам основание предположить, что корень глагола *тырк*— имеет звукоподражательное происхождение, и за счет замещения звукового восприятия ассоциативным образом движения произошел переход от звукоподражания к образоподражанию. Так, корень изначально *тырк*— воспроизводит звук, издаваемый суставами или костями (ср. *тырс*-, *тарс*-, *торс*-). Отсюда идет переход к ассоциации о движении (в нашем случае дрожании), при котором издается данный звук.

Алып баатыр мунгатыян, Тобуктара тигирэстиир	Эр алыптын тизелери Тыркыражып турбай кайтты [7, с. 88].	Колени мужа-алыпа От горя дрожали [7, с. 273].
--	---	---

На якутский язык данный глагол переведен как *титирэстээ* «дрожать, трястись», который по словарю якутского языка не относится к образным глаголам, имеет нейтральное значение, хотя образован от неизменяемого образного слова *титир (гын-)* «содрогнуться напряженно» [9, с. 298]. По похожему звуковому составу и по одинаковой грамматической форме можем утверждать, что в данном случае также применен полный эквивалентный перевод.

Слов, характеризующих внешний вид, форму, в тексте алтайского эпоса немного. Среди них отметим пример:

Кылыстыы сытыы тиистэрим Абырбалы тононулар [6, с. 178]	Курч кылыштый кату тижим Куу быдактый арсай- ды — дийт [7, с. 75]	Зубы мои, острые и крепкие, как меч, Как сухой сук, обломились [7, с. 259]
---	--	--

Здесь слово *арсай* «торчать, выступать» (*арсайт* «1) заставлять торчать, выступать; 2) оскалывать») [1, с. 82] в данном случае, на наш взгляд, переведено не совсем точно, так как по значению слова не соответствует переводу «обломились». Скорее всего, здесь речь идет о том, что зубы как сухие сучья стали торчать. И в переводе на якутский язык можно передать через образоподражательное слово *ардьай* «скалить свои крупные и редкие зубы» [3, Т. 1, с. 557], которое практически полностью повторяет алтайское слово и совпадает по значению. В якутском языке есть также полностью эквивалентное алтайскому образоподражательное слово *арсай*, но оно означает «скалить редкие зубы при улыбке, смехе» [3, Т. 1, с. 560], что не совсем соответствует контексту данного отрывка, так как улыбка или смех исключается из содержания.

Последняя подгруппа слов, характеризующих цвето-световые представления, представлена также немногочисленно, но по количеству повторов превосходит. Глагол *мызылда* «1) сверкать, мерцать; 2) сверкать, отличаться белизной; 3) сверкать от чистоты, блестеть» [1, с. 479] имеет очень широкое семантическое значение, что подтверждается примерами из текста алтайского эпоса. Так, данный глагол характеризует световое представление о дереве, спине и золотой шерсти коня, копытах коня, лице девушки, чистом лбе девушки, острие сабли, конце пики, скалах, камнях и о самом богатыре. На якутский язык глагол *мызылда*, в зависимости от объекта сверкания или мерцания, переведено различными образоподражательными словами: лоб девушки, спина коня, конец пики — *килбэннээ* форма равномерной кратности от *килбэй* «блистать, блестеть» [9, с. 289], *килбэдьий* форма отдельной кратности, *килбэчий* форма подвижности от *килбэй*; острие сабли — *кылбаннаа* ф. равн. крат. от *кылбай* «блестеть, сиять (о солнце); давать яркий отблеск» [9, с. 290]. Также во многих случаях используется глагол *күлүмүрдээ* «блистать, сверкать, вспыхивать ярким светом» [3, Т. 4, с. 622], который имеет нейтральное значение, но основа восходит к образоподражательному слову *күлүм гын* «ярко осветиться, вспыхнуть ярким светом» [5, с. 380].

Таким образом, проанализировав использование подражательных слов в тексте алтайского эпоса «Маадай-Кара» и способы их перевода на якутский язык, приходим к следующим выводам. Образоподражательные слова занимают неоднозначное положение

в алтайском языке. Они выделены в тексте алтайского эпоса по фонетико-структурной и семантической аналогии с образоподражательной лексикой якутского языка.

Анализ подражательных слов алтайского и якутского языков позволил установить специфичное и универсальное в использовании данной лексики в языке в целом. Во-первых, в алтайском языке количественно преобладают слова с звукоподражательной основой, слов с образоподражательной основой намного меньше. В якутском языке образные слова и звукоподражательные слова, хоть и выделяются в самостоятельные разделы языка, составляют единую звукоизобразительную систему языка. Универсальное в подражательной лексике обоих языков заключается в том, что за счет родства языка мы наблюдаем большое количество совпадений в грамматической форме и семантике, а также одинаковую закономерность восприятия и воспроизведения звуков: *тиб* — *тэб* (о движении ног) и др. Более глубокие заключения по сходству и различиям между подражательной лексикой алтайского и якутского языков требуют отдельного подробного изучения без ограничения материалом одного эпического текста.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

Литература:

1. Алтайско-русский словарь / отв. ред. А.Э. Чумакаев. — Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2018. — 936 с.
2. Баскаков, Н.А. Очерк грамматики алтайского языка // Ойротско-русский словарь / под общ. ред. Н.А. Баскакова. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1947. — С. 220—307.
3. Большой толковый словарь якутского языка. Т. 1—15 / под ред. П.А. Слепцова. — Новосибирск : Наука, 2004—2018.
4. Грамматика современного алтайского языка. Морфология / Редколлегия: д-р филол. наук И.А. Невская (отв. ред.). — Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, 2017. — 576 с.
5. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / Редколлегия: д. филол. н. Е.И. Коркина, Е.И. Убрятова (отв. ред.). — М.: Наука, 1982. — 496 с.
6. Маадай Хара: алтаай баатырдыы эпоһа / Калкин А.Г.; Суразаков С.С. суруйуута, нууччалыы тылбааһа, нууччалыыттан сахалыы тылбааста-

- ра : Васильева А.А., Винокурова М.С., Герасимова Е.С. у.д.а. — Дьокуускай: Бичик, 2017. — 308 с. (на якутском и русском языках).
7. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос / сказитель А.Г. Калкин. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973. — 474 с. (на алтайском и русском языках)
  8. Ойротско-русский словарь / под общ. ред. Н.А. Баскакова. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1947. — 312 с.
  9. Харитонов, Л.Н. Типы глагольной основы в якутском языке. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. — 312 с.

БОЖЕДОНОВА Алла Евгеньевна,

н.с. сектора «Лингвофольклористика»

НИИ Олонхо СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск РС(Я)

ОБРАЗ БОГАТЫРСКОГО КОНЯ В ЭПОСЕ ЯКУТОВ И ХАКАСОВ

*На материале якутского олонхо
и хакасского алыптых ныхах*

По мифологическим представлениям тюркских народов, лошадь имеет божественную сущность, тюрки издревле смотрят на нее как на священное животное небесного происхождения. Обожествление коня наглядно отражается в эпосах тюркских народов, в которых образ коня, как правило, занимает ключевое место.

В данной работе проводится сопоставление того, как образ богатырского коня представлен в эпосе двух родственных тюркских народов — якутов и хакасов. Материалом для исследования в сравнительном аспекте послужили тексты якутского эпоса «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта с молочно-белым конём» П.П. Ядрихинского-Бэдьээлэ, «Сын лошади Богатырь Дыырай» И.И. Бурнашева-Тонг Суорун и «Нюргун Боотур Стремительный» П.А. Ойунского; хакасского эпоса «Алтын-Арыг» С.П. Кадышева и «Ай-Хуучин» П.В. Курбижекова.

Как известно, олонхо является самым крупным эпическим жанром якутского фольклора. «В нем воспеваются боевые подвиги боотуров (богатырей), которые совершаются ими ради защиты родной земли, своих соотечественников, ради спокойной жизни на земле, мирного труда, счастливого будущего детей и внуков. Обычно эти подвиги со-